

Адала Хеннингсен

**ГОРОДОК БОЖЬИХ
КОРОВОК**

Адала Хеннингсен
Городок божьих коровок

«Издательские решения»

Хеннингсен А.

Городок божьих коровок / А. Хеннингсен — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964424-4

Хвиттингфосс — крошечный норвежский город. Беспросветная рутина, которой нет конца. Ко всем бедам прибавилась новая — в городе стали бесследно пропадать дети. Не так страшно горе, постигшее других, но всё меняется, когда несчастье обрушивается на твою семью. Кирстен пыталась оставаться в стороне, пока не исчез её племянник Арне. И теперь ей предстоит понять, кто или что стоит за таинственными исчезновениями и есть ли спасение от того отчаяния, во мрак которого медленно погружается Хвиттингфосс.

ISBN 978-5-44-964424-4

© Хеннингсен А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Городок божьих коровок

Адала Хеннингсен

© Адала Хеннингсен, 2019

ISBN 978-5-4496-4424-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Все действующие лица и события вымышлены. Любое совпадение с реальными фактами случайно

Ежегодно в мире пропадают двести пятьдесят тысяч детей, то есть один ребенок – каждые две минуты. Из них около десяти процентов остаются в списках пропавших без вести.

Интернет-статистика

Старый радиоприемник фонил на высоких тонах «Stairway to Heaven» и срывался на дребезжание. Светлые обои с пестрым орнаментом будили фантазию, заставляя непроизвольно скользить взглядом по кривым лабиринтам спиралей. Пахло свежей выпечкой и ванилью.

– Доброе утро, Кирстен! Как обычно – эспрессо?

– Доброе, – Кирстен Энген кивнула в ответ на благодушную улыбку Анне – бессменной хозяйки «Деревенского Паба». В последнее время Кирстен не могла начать утро без кофе – уже ради одного бодрящего аромата этого напитка девушка была готова заезжать в кафе каждый день по пути на работу. Владелица багетной мастерской, где Кирстен проводила весь день и уматывалась до состояния зомби, до сих пор никого не нашла ей в помощники. Энген понимала соискателей: за такую мизерную зарплату вкалывать могут только такие отчаянные фанаты искусства, как она. Если бы не обстоятельства, ее здесь давно бы не было.

За стойкой, кроме девушки, пристроились Паульсены. Сверре она уже видела сегодня – они жили на одной улице. Все внимание маленькой Эммы было приковано к шоколадным маффинам. Кирстен ответила на короткое повторное приветствие Сверре и в ожидании кофе разглядывала доску объявлений; тут же внимание привлекла пожилая женщина, уже который раз подряд набирающая один и тот же номер по выдавшему виды стационарному телефону. Девушка не помнила ее имени, зато знала имена детей, улыбающихся с фотографий на объявлениях об исчезновении. Эти листовки преследовали жителей Хвиттингфосса повсюду; два мальчика и одна девочка. Слишком много для разросшейся деревушки, оживающей только с открытием горнолыжного курорта. Девочка пропала всего месяц назад – примерно в конце июля; багетчица помнила это из выступления ленсмена округа Бускеруд, которое гоняли по всем местным каналам несколько дней. Сверре тоже в задумчивости рассматривал лица пропавших без вести. С недавних пор с Эммой он почти не расставался ни на миг. Младшая Энген даже немного завидовала Паульсенам – старшая сестра Линда Энген уделяла семье мало внимания, даже ее детей в школу отвозила Кирстен.

Голос пожилой женщины отвлек от мыслей.

– Анне! Ваш телефон не работает! – она стукнула трубкой по пластиковому корпусу аппарата так, что тот чуть не свалился на пол.

– Но я уже звонила сегодня по нему, – терпеливо отозвалась хозяйка «Паба». – Заказывала муку и сахар.

Вздыхнув, старушка вновь принялась набирать номер. Пожав плечами, Анне взглянула на зеркальную стенку шкафа, как раз над кофемашиной, стерла чуть смазанную алую помаду в уголках губ и поправила заколку в волосах. Женщина улыбнулась, заметив взгляд девушки через отражение, и тут же обернулась на зов кого-то из гостей кафе. Кирстен хмуро уставилась на себя в зеркало.

«Мда...»

Неаккуратный пучок, больше похожий на колтун, не сравнится с изящной укладкой Анне. Хозяйка кафе разменяла пятый десяток, тогда как Кирстен только две недели назад

исполнилось двадцать семь лет. О макияже она забыла напрочь после отъезда Йенса – единственного человека, ради которого ей хотелось быть красивой. Темную невзрачную одежду оживлял лишь шелковый шарф с бледно-розовыми импрессионистскими пионами – подарок старшего племянника. Подарок младшего – брелок в виде деревянной птички – красовался на ключах от машины.

В кафе вбежал Сандер Борге. Увидев старушку у телефона, мужчина облегченно вздохнул.

– Что ты здесь делаешь? – обратился он к упорной телефонистке.

– Не могу дозвониться до фабрики. Мне постоянно говорят, что «номер не существует»! Кирстен вспомнила эту женщину.

Все посетители «Деревенского Паба» притихли, сочувственно глядя на несчастную семью.

– Мама, ты уже давно на пенсии и не работаешь на фабрике.

Не прекращая раз за разом нажимать одни и те же кнопки и сбрасывать звонок, Леа Борге проворчала, не оборачиваясь:

– Какая я вам мать! Мой сын Сандер сейчас на заправке обслуживает клиентов. Мой мальчик так стремится поскорее накопить на учебу...

Анне ахнула, прикрыв рот рукой. Кофемашина опасно пошатнулась от ее резкого движения.

У Леа и раньше случались такие приступы деменции, но чтобы не узнавать собственного сына – такого еще не бывало.

– Мама, – голос заправщика осип. Кирстен заметила, как дрожат его побелевшие руки, взявшие Леа за плечи, – посмотри на меня. Я – твой сын. Сандер Борге. Ты помнишь меня?

Сердце девушки сжалось. Борге всегда был с ней, юной школьнице, снисходителен, когда она подрабатывала в ночные смены за прилавком заправочной станции. Весельчак и добряк, он часто развлекал девочку занимательными историями, чтобы та не заснула на рабочем месте.

Женщина наконец взглянула на него. Что-то изменилось в выражении ее лица – нечто неуловимое, будто старушка очнулась ото сна или освободилась от тяжких мыслей.

– Сандер, это ты? Как же ты постарел... Это значит, что я совсем развалина? Но как же так? Ведь тебе еще нет восемнадцати. У меня сегодня выходной на фабрике, а твой отец забыл свой обед дома...

Мужчина стоял спиной к залу, поэтому его лица никто не видел, но по опустившимся плечам сразу стало ясно, насколько ему плохо.

Кирстен видела Леа только один раз – на вечере памяти по погибшим. Тогда, на кладбище, жители города были почти неподвижны, словно вмерзли в землю, и только Леа рассказывалась взад-вперед, почти как метроном. Девушка весь вечер наблюдала за этим жутким маятником, не замечая застывших, словно манекены, людей.

– Нет, мама, он ничего не забыл. Папа погиб во время аварии семь лет назад, помнишь? У фабрики другой владелец.

Катастрофу на фабрике жители Хвиттингфосса запомнили навсегда. Горе, бесконечные иски и суд, скандал с арестом хозяина бумажно-целлюлозной фабрики – всё это накрыло городок куполом унылости. Кто-то вырвался из плена, уехав в многолюдные местечки; кто-то остался верен родным местам, с каждым днем все больше замыкаясь в себе и не замечая течения времени. Такие спасались рутинной.

Если бы родители остались живы, Кирстен уехала бы с Йенсом.

Когда Сандер уводил из кафе мать, бормотающую что-то вроде «куда же пропали эти дни?», он встретился взглядом с девушкой. Все то же горе и плен. Кирстен поспешила отвернуться. Досадно, что Сверре тоже смотрел на нее.

«Ох, опять! Ненавижу такие моменты...»

Жена Паульсена тоже стала жертвой той страшной катастрофы, о подробностях которой до сих пор ничего не известно. Сверре отличался от других скорбящих – он не впадал в хандру и избегал разговоров о прошлом, но от мыслей еще никому не удавалось сбежать.

Оба потупили взгляды.

– Твой эсперссо, Кирстен.

Еще не опомнившись, багетчица машинально потянулась в карман за деньгами, радуясь возможности отвлечься на хозяйку паба. Анне взяла салфетки в обе руки и, не касаясь пальцами, протерла телефон, будто амнезия могла быть заразной. Если бы не полночные игры с племянниками в твистер, Кирстен отказалась бы от кофе этой брезгливой особы. Стараясь не выдать неприязнь, она выложила деньги на стойку.

– Кирстен, – раздался звонкий голос Эммы, – а Арне сделал задание на лето?

– Ты про гербарий? Да, он взял его с собой.

– И много он собрал растений?..

– Эмма, – укоризненно посмотрел на нее отец, покосившись на знакомую, как бы она не догадалась об их секрете, – нехорошо хвастаться.

– Но я ведь хотела поделиться! – девочка надула губки, все в шоколадных крошках. – Арне наверняка не заходил в лес, как мы с тобой...

Улыбнувшись на то, как Сверре, скрывая неловкость, вытирает рот девочки салфеткой, Кирстен сказала:

– Он не показывал мне свою коллекцию, спроси его сама при встрече, – и заговорщицки шепнула: – Я никому не расскажу о ваших походах в лес. Ведь я сама хочу туда навеститься.

Эмма хихикнула.

– Пофотографировать? – поинтересовался Сверре, немного расслабившись.

– Нет.

Вопрос удивил Кирстен. Она не брала в руки фотоаппарат с тех пор, как в последний раз они прогуливались с Йенсом по набережной – уже больше пяти лет назад.

– А что так? Я давно хотел тебя спросить, почему ты больше не снимаешь? Твой «Городок божьих коровок» поднимает настроение нам каждое утро.

Эмма согласно кивнула.

Энген не сразу сообразила, что он говорит о той фотографии, выигравшей один из конкурсов в Драммене. Фото пришлось продать, так как Линде не хватало на похороны, а принять денежный дар от кого-либо не позволяла гордость, вот Паульсен и купил «Городок».

– Ах, «коровки»... Не знаю. Что-то нет настроения.

В глазах Сверре промелькнула грусть.

– Понимаю, – вздохнул он.

С улицы донесся автомобильный сигнал, заставивший всех отвлечься от своих дел. Старший племянник отчаянно жестикулировал с переднего пассажирского сидения автомобиля, прося багетчицу поторопиться.

Помахав на прощание Эмме, Кирстен вышла к старенькому седану серого цвета, такого же, как низкие облака, скрывавшие от Хвиттингфосса солнце почти всё лето. В дверях она разминулась с Астрид, кассиром из продовольственного магазина напротив. Когда-то бывший фотограф снимала «историю любви» для этой молодой женщины. Кассир была без куртки, раскраснелась от бега.

– Никто не видел Унни? – за стеклянной дверью ее голос звучал приглушенно, но не менее тревожно.

«Только не еще один ребенок, только не Унни...»

Порыв ветра едва не сорвал шарф с шеи девушки, вовремя успевшей схватить подарок племянника за самый краешек. Другая рука была занята стаканчиком с кофе, так что двери ей открыл перегнувшийся через сиденье Эспен, старший из сыновей Линды.

– Ты опять опоздаешь на работу, и Ингер оштрафует тебя на оставшуюся половину зарплаты! – проворчал юноша, перехватив у девушки кофе и водрузив его на подставку, пока Кирстен садилась в машину и приводила в порядок спутавшиеся волосы.

«Кто похититель? Где он держит детей?..»

Услышав смех Арне с заднего сиденья, она обернулась – мальчик смеялся над ее оригинальной прической. В руках он сжимал рюкзак с драгоценным альбомом, с которым он не расставался всю последнюю неделю.

– Что, я прекрасно выгляжу?

Мальчик снова прыснул, жмуря большие лазоревые глаза.

– Вам, девчонкам, никогда не понять преимущества шапок и бейсболок.

В ответ на колкость Кирстен натянула шапку Эспену на глаза.

– Отрасти волосы для дредов – так ты еще больше будешь похож на растамана – и не завидуй, – она завела двигатель.

С заднего сиденья снова донесся залиvistый смех.

– Ой, уела! – Эспен, поправив головной убор, театрально закатил карие, как у его отца, глаза; черная родинка на правой скуле тоже была папина. У обеих сестер были серо-зеленые глаза и густые русые волосы, тогда как мальчики были совсем светленькими.

«Деревенский паб» остался позади. Автомобиль катил по людным в этот час улочкам маленького городка – родители вели детей в школу, не позволяя ходить одним.

– С каких это пор подросткам в пятнадцать лет стал важен внешний вид?

– Ты с собой не сравнивай.

Кирстен едва не потеряла дар речи от такого оскорбительного заявления.

– Извини, – поспешил оправдаться Эспен, – но при Йенсе ты выглядела гораздо привлекательнее, просто потрясно! – юноша осторожно взглянул на нее, проверяя, какой эффект произвели его слова. – Ты ведь скучаешь по нему?

Девушка промолчала. Племянник слишком многое позволял себе. Немудрено – младшая Энген проводила с детьми много времени и была в курсе всех их дел, вот мальчишки и совали нос не туда, куда следует. Кирстен чувствовала на себе любопытный взгляд Арне, смотрящего на тетку через зеркало заднего вида.

– Он ведь наверняка тебе звонил и писал, – беспощадно продолжал старший. – Почему ты его игнорируешь?

– Да с чего ты это взял...

– Потому что это Йенс! Я ведь тоже его знаю – может быть, не так хорошо, как ты, но все же.

Казалось, будто не Эспен задает столь тяжелые вопросы, а Арне – пронизывающий взгляд мальчика мог свести с ума, вгоняя в панику.

– А мне кажется, юный хакер, кто-то без спроса копался в моем компьютере, да?

От ее внимания не укрылось то, что братья заерзали.

Они миновали дорожное кольцо, свернув на Гравдалсвейен, и Кирстен с досадой поняла, что Эспен прав насчет Ингер – от самой школы до кольца тянулась вереница машин.

«Она меня уволит... И объездная наверняка тоже вся стоит...»

Эспен промычал что-то невнятное и бесцеремонно сделал пару глотков из стакана.

– Эй! Это мой кофе!

– Ну и что? Ты его каждый день пьешь.

– Твоя мама меня убьет, если узнает.

– Да ладно, у нас все осаждают кофейный автомат! Почему мне нельзя хоть попробовать?

Спорить с въедливым племянником было бесполезно, Кирстен это знала. Иногда ей казалось, что Эспен гораздо умнее всех взрослых, несмотря на юный возраст. Подростковый мак-

символизм давал ему непошибаемую стойкость в любых спорах, которые могла прекратить только Линда – из-за того, что в семье не принято пререкаться с родителями.

За поворотом показалось здание школы с терракотовой крышей. Кирстен остановила машину, не доезжая до парковки, потому что Эспену не нравилось, что его подвозила сестра матери.

– Отведешь брата? Я ведь могу на тебя положиться?

– Конечно, можешь.

Арне, вылезший из детского кресла, подошел к полуоткрытому окну водителя.

– Ты сможешь мне сегодня доклеить гербарий, если что?

– Непременно, – улыбнулась девушка, мысленно попрощавшись с полноценным сном. Когда они вернутся домой, Линда либо еще будет на работе, либо уже уснет, замотавшись в одеяло с головой и заперев дверь в комнату.

– Эспен! – крикнула вдогонку Кирстен. – Я надеюсь, ты больше не будешь отвечать этим придуркам? У тебя еще не прошли синяки с прошлой недели.

Юноша пожал плечами и зашагал по тротуару, взяв Арне за руку.

Когда девушка выехала на главную улицу, до начала рабочего дня оставалось десять минут.

– Вот черт!

Поток машин медленно полз, чуть приостанавливаясь перед кольцом. Оставалось только смириться и набраться терпения. Время мучительного ожидания скрашивал живописный вид желтеющей листвы. Еловые леса холмов так и останутся зелеными, тогда как все деревья у берегов Логена скоро накинута золотые и багряные мантии. Раньше именно с сентября, когда в Хвиттингфоссе наступали удивительно теплые деньки, начинался сезон пикников. Время наплыва парапланеристов. Старшеклассники ходили к дамбе у самой фабрики, а молодежь постарше допоздна засиживалась под шумящими дубами на речном побережье. Теперь же над городом витал страх и навряд ли кого-нибудь можно встретить на мощеных дорожках набережной в закатный час.

«Интересно, никто больше не ходит на ту поляну? Ее знали только мы с Йенсом... Снова взять камеру и пойти туда?..»

Голося на весь салон авто ирландскую джигу, дробно затрясся мобильник. На дисплее высветилось фото Линды: придерживая папоротниковый венчик, она с закрытыми глазами наслаждалась солнечным светом, падающим на ее лицо сквозь листву. Любимая фотография младшей Энген.

– Привет, Лин...

– Слушай, я нашла тебе отменную вакансию! Народ валит из города, и на зимний сезон освобождается куча мест на горнолыжке. Это твой шанс! Я забила за тобой вакансию дежурного по скипасам. Тебе нужно подписать договор...

– Э-э-э, Линда, я даже не знаю. Я не уверена, смогу ли я там работать после багетной.

– Сможешь! В этом сарае у Ольсен ты загнешься, она еще и платит гроши!

– Я подумаю, хорошо?

В молчании сестры чувствовалось недовольство. Сразу представились досадливо поджатые губы и металлический блеск в глазах.

– Ладно, думай до следующего понедельника, дольше они ждать не будут.

Линда всегда хваталась за любую хорошую возможность заработать. Уже долгое время она намекала сестре, что поры бы сменить багеты на что-то другое, но Кирстен многое связывало с мастерской, и она любила заниматься художественным оформлением. Только это и удерживало ее на работе.

Внедорожник Ингер Ольсен был припаркован на том самом месте, где обычно оставляла машину Кирстен. Теперь придется пристраиваться у самых парадных дверей – прямо перед

панорамным окном магазина, – так что нечего было и думать скрыться от хозяйки через подсобку. Отсюда было крайне неудобно выезжать на дорогу: сдавая назад в проезд, водитель нарушал с десяток правил; именно так по иронии судьбы как-то раз Кирстен чуть не врезалась в патрульную машину.

Ингер обслуживала покупателя, говорившего с ней по-английски. На прилавке лежали целых три упакованных рамки. Судя по форме – те самые, с позолотой, которые сама Кирстен безуспешно старалась пристроить в хорошие руки с Рождества.

«Как она это делает?!..»

Еще два иностранца о чем-то шептались у листовок с фото детей; глядя на них, владелица мастерской хмурила лоб. Объяснив клиентам, как проехать к базе парапланов, Ингер проводила туристов и встала в шаге от подчиненной, сложив руки на груди и наблюдая, как Кирстен облачается в фартук с эмблемой сети художественных магазинов. Дежурная улыбка услужливой продавщицы исчезла с лица женщины, уступив место выражению властной начальницы.

– Извини, Ингер. Пробка...

– Ты заказала картон в пятницу?

Девушка стукнула себя по лбу.

– Совсем забыла...

– У тебя семь заказов стоят без паспарту! О чем ты думала!

– Я сейчас позвоню на фабрику...

– Нет уж! Я сама этим займусь.

Хозяйка критично осмотрела девушку, но замечания о ее внешнем виде не сделала. Выходя из магазина, она бросила через плечо:

– Приберись у станка и гильотины, там много пыли.

Грустно звякнул колокольчик над входной дверью.

Кирстен вздохнула.

«Обошлось... Нет, она меня не уволит».

У Ольсен были и другие салоны, но она никогда о них не рассказывала. Багеты в Хвиттингфоссе не пользовались особым спросом, и накануне праздников женщина перекидывала Кирстен заказы с других точек, так что девушка была вынуждена работать в выходные.

Дообеденное время – самое благодатное для работы, когда дело идет быстро и незаметно, а вокруг царит тишина, позволяющая остаться наедине с собой и воспоминаниями. Послеобеденный наплыв клиентов длился до самого закрытия магазина – что-то починить, кому-то оформить фото, кому-то купить подарок, так что порой даже приходилось перекусывать на ходу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.